

27. Климчук, Ф.Д. Диалектные типы Полесья / Климчук Ф.Д. // Слово и культура: памяти Н.И. Толстого: сб. ст. в 2 т. / Российская Академия наук. Институт славяноведения; редкол.: Т.А. Агапкина (ред.) [и др.]. – М.: Индрик, 1998. – Т. 1. – С. 118–135.
28. Крывіцкі, А.А. Дыялекталогія беларускай мовы: дапам. / А.А. Крывіцкі. – Мінск: Выш. шк., 2003. – 294 с.
29. Крывіцкі, А.А. Фанетыка беларускай мовы: вучэб. дапаможнік для філфакаў ВНУ / А.А. Крывіцкі, А.І. Падлужны. – Мінск: Выш. шк., 1984. – 269 с., іл.
30. Лінгвістычная геаграфія і групка беларускіх гаворак / Р.І. Аванесаў [і інш.]; пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Атраховіча (Крапівы), Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 320 с.
31. Босак, А.А. Гаворкі Верхняга Над'ясельдзя / А.А. Босак, В.М. Босак. – Мінск, 2007. – 134 с.
32. Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. / Рэдкал.: В.В. Гетаў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – 702 с.: іл.
33. Археалогія Беларусі: у 4 т. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]; пад рэд. М.М. Чарняўскага. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 424 с.: іл.
34. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1993–2003. – Т. 4: Кадэты – Ляшчэня. – 1997. – 432 с.: іл.
35. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: 1993–2003. – Т. 5: М – Пуд. – 1999. – 592 с.: іл.
36. Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1: А–К / Рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. Імя П. Броўкі, 2009. – 496 с.: іл.
37. Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 2: Л–Я / Рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. Імя П. Броўкі, 2011. – 464 с.: іл.
38. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 3 т. / Рэдкал.: Г.І. Кузняцоў [і інш.]. – Мінск: Белкартаграфія, 2009. – Т. 1: Храналогія: ад старажытнасці да 1569 г. – 247 с.
39. Климчук, Фёдор. Очерк древней и средневековой истории Пинщины / Фёдор Климчук // Гістарычная брама. Гісторыя і культура Палесся. – 2009. – № 1 (24). – С. 3–23.
40. Кухаренко, Ю.В. Средневековые памятники Полесья / Ю.В. Кухаренко // Археология СССР. Свод археологических источников / АН СССР. Ин-т археологии; под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Вып. Е 1-57. – 40 с. + 14 таблиц.
41. Штыхов, Г.В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма / Г.В. Штыхов; под ред. Ф.В. Борисевича. – Мінск: Польша, 1971. – Вып. 2. – 276 с.
42. Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л.Д. Поболь; науч. ред. М.А. Ткачев. – Мінск: Наука и техника, 1983. – 456 с., ил.
43. Республика Беларусь. Брестская область. Общегеографический атлас / ред. Н.И. Шлык. – Мінск: РУП «Белкартография», 2003. – 32 с.

Материал поступил в редакцию 09.10.12

SAMUJLIK J. The central Celiachany subgroup of the northern Brest dialects (on the materials of the Linguistic Atlas “The dialects of the Vyhanaŭskaje Paliessie”)

Based on the isoglosses from the Linguistic Atlas “The dialects of the Vyhanaŭskaje Paliessie”, the article considers basic phonetic, morphological and lexical features, and some questions of genesis of the central Celiachany subgroup of the northern Brest dialects, which occupies the most part of the investigated area.

The Vyhanaŭskaje Paliessie is a small region between the rivers Jasiel'da (left tributary of Prypiac) and Ščara (left tributary of the Neman). This is the zone where mutual influence of dialect and ethnic backgrounds of the historical and geographical regions of Belarus took place: Paniaimonnie, Western Palesie, Eastern Palesie and Central Belarus. Linguistically Vyhanaŭskaje Paliessie is a transitional zone between dialects of the Paniaimonnie and Western Palesie.

УДК 303(9)(71+94)

Семёнова Л.Н.

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Введение. Современный мир становится все более опасным, нестабильным, конфликтным. В настоящее время целые регионы погружаются в хаос неуправляемости. Некогда процветавший Запад не может совладать с финансово-экономическим кризисом, миграционными потоками, динамизмом общества, социальными обязательствами. Если в начале 1990-х гг. в силу комплекса внутренних и внешних причин распались многонациональные социалистические государства Советский Союз, Социалистическая Федеративная Республика Югославия, то сегодня некоторые страны арабского Востока подвергаются целенаправленному уничтожению (Ирак, Ливия, Сирия). Кровоточащей раной Земли с непрекращающимися войнами продолжает оставаться Африка. Высокоразвитое человечество, достигшее небывалых высот в науке, культуре, экономике, вместо того, чтобы наслаждаться прогрессом, встает перед вызовом собственной хрупкости и уязвимости.

Для осмысления сложившегося положения все большую популярность приобретает системный подход, который стал интегрирующим стержнем широкого междисциплинарного взаимодействия в форме общей теории систем (ОТС) или системологии. За долгие годы своего развития системология накопила ряд авторских версий. Одной из са-

мых незаурядных является организационный подход А.А. Богданова.

Страниц биографии выдающегося философа, экономиста, врача, социалиста, революционера, писателя Александра Александровича Богданова (настоящая фамилия Малиновский) (1873–1928) хватит не на один увлекательный трагический роман. В начале XX в. до революции 1917 г. он был больше известен как революционер-большевик, друг и любимец В.И. Ленина, автор экономических работ, которыми Ленин восхищался, и автор философских работ по эмпириомонизму, которых Ленин ненавидел, надолго приклеив их создателю такие злобные ярлыки, как: «дипломированный лакей поповщины», «представитель реакционной махистской философии», «меньшевиствующий идеалист», знакомые каждому изучавшему марксистско-ленинскую философию. На Первую мировую войну Богданов отправился в качестве полкового врача. В февральских и октябрьских революционных событиях участия не принимал, в установившейся большевистской власти соответствия своим социалистическим идеалам не увидел. Но страну не покинул. Много писал, преподавал в Коммунистической академии, в 1926 г. возглавил Институт переливания крови, где и погиб в результате эксперимента по прямому переливанию крови.

Семёнова Людмила Николаевна, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета.

Беларусь, БНТУ, 220004, г. Минск, пр. Независимости, 65.

Уже в 1910-е гг. Богданов приступил к разработке своего грандиозного замысла по созданию «всеобщей организационной науки», которую он назвал «тектология», заимствовав это понятие у Э. Геккеля, определившего так законы организации живых существ [1, с. 174]. С 1913 по 1929 г. вышло три издания в сокращенном и много-томном вариантах. В Советском Союзе реакция на тектологию была более чем скромная, не столько научная, сколько идеологическая, а потом и вовсе о Богданове забыли. Следующее переиздание тектологии состоялось лишь в «перестроечном» 1989 г. На Западе же, как это происходило со многими российскими идеями и изобретениями, после немецкого и особенно английского перевода, идеи Богданова стали предметом серьезных научных обсуждений.

Исходным пунктом тектологии Богданов признает необходимость подхода к изучению любого явления с точки зрения его организации. Законы системной организации едины для любых объектов неживой, живой и социальной материи. Неслучайно, один из первых советских и теперь уже современных российских исследователей творчества Богданова А.Л. Тахтаджян подчеркивал, что тектология – это «всеобъемлющая наука об универсальных типах и закономерностях строения и развития систем», призванная стать «общенаучной парадигмой» [1, с. 174]. Основные идеи тектологии нашли свое воплощение и продолжение в общей теории систем Л. фон Берталанфи, кибернетике (науке об управлении системами) Н. Винера, гомеостатике (изучении равновесия в системах), философии управления и во многих других научных отраслях, изучающих такие феномены, как организация, информация, управление.

Исследование организации систем дает знание не только об их функционировании, но и об их разрушении. В настоящее время организационный подход стал очень востребованным в части разработки методов организационной войны (оргвойны) и средств ее ведения в форме организационного оружия (оргоружия). Нельзя не признать, что оргоружие и оргвойны активно применяются в практике международных экономических отношений (их ведут крупные корпорации), в практике международных отношений между государствами, о чем свидетельствуют распады, разрушения, деградация проигравших в этих войнах государств. Финансовые, экономические, культурные, информационные, политические, специальные (спецоперации, проводимые спецслужбами) и прочие войны, как разновидности организационных войн, давно подменили собой конкуренцию в большом бизнесе и большой политике. Как пишет С. Кургинян: «"Пацификация" никак не резонирует с реальностью XXI в. Она не хороший тон, не фирменный знак респектабельности и политического достоинства. Она удел ведомого на бойню барана» [2, с. 10].

В противовес разрушительной составляющей использования организационного подхода обратимся к созидательной, позитивной практике действия организационных закономерностей. Если оргоружие, направленное с негативной целью против другого, действительно разрушает, переориентированное с позитивной целью на себя, оно может существенно помочь в деле развития и созидания. Примеров сознательного применения и бессознательного объективного действия сформулированных в тектологии положений великое множество. Целью данной статьи является рассмотрение опыта успешного развития британских доминионов Канады, Австралии, Новой Зеландии в конце XIX – начале XX в. с точки зрения его соответствия некоторым выявленным закономерностям тектологии.

Понимая трагизм современной эпохи, всегда есть соблазн увидеть в прошлом лучшее. Но 100–150 лет тому назад, во второй половине XIX – начале XX в. ситуация в мире была не менее драматичной. Мировая система регулярно корчилась под судорогами военных конфликтов, колониальных, впоследствии империалистических войн, капиталистический Запад лихорадило от периодических экономических кризисов, революционных потрясений, ожесточенной классовой борьбы, общество разъедала язва социального вопроса. Но если современная постмодернистская культура замешана на идеях пессимизма, безысходности, алармизма, то культура модерна того времени, возвращенная на философии просвещения, позитивизма, сциентизма, внушала людям уверенность в своей созидательных силы, оптимизм и веру в прогресс. Эта культура отражала подъем капитализма, тогда как сегодня мы видим упадок системы капита-

лизма, по мнению ряда ученых, конец исторического капитализма. В пору расцвета капитализма многие проблемы разрешились самыми разнообразными способами, включая и экстенсивные. Например, остроу социального вопроса в Европе удалось снять в том числе и благодаря переселению в Новый Свет. Новые рынки и источники сырья сбалансировали на время промышленность Старого Света. Новый Свет мыслился местом катарсиса (очищения) от язв и пороков Старого Света, местом, где можно сознательно выстроить прогрессивное новое общество. Мечты находили подтверждение не только и не столько в США.

Они находили подтверждение в других переселенческих колониях Британской империи. Британцы создали исключительную империю, разбросанную по всем частям света, которой принадлежала пятая часть земного шара. Неслучайно Н.А. Бердяев назвал англичан «великими удачниками в империалистической политике», а Великобританию – «классической страной имперостроительства» [3, с. 377].

На рубеже XIX–XX вв. был необычайно велик интерес к Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Эти страны проросли в мировом пространстве буквально «из ничего» и утвердили себя на политической карте мира чуть ли не в течение века. Завоевав Канаду в Семилетней войне, англичане готовы были обменять ее на острова Вест-Индии. Они не представляли, что делать с этой землей, которую Вольтер пренебрежительно называл «несколько миллионов арпанов снега», «страна, покрытая льдом девять месяцев в году». Но уже в 1867 г. они впервые предоставили объединившимся и усилившимся канадским колониям статус доминиона. Двадцать лет после плавания Джеймса Кука британцы не обращали внимания на Австралию. Лишь в 1788 г. в Сиднейскую бухту прибыл первый британский флот с партией заключенных. И уже век спустя в 1888 г. столетний юбилей с размахом праздновали в блестящих городах и зажиточных фермах австралийских колоний. Мельбурн тогда гордился тем, что обладает самым высоким зданием в мире. В 1900 г. статус доминиона получила Австралия, в 1907 г. – Новая Зеландия.

Доминионы Британской империи демонстрировали в конце XIX – начале XX в. грандиозные успехи в аграрно-индустриальном развитии, социальных стандартах жизни, демократизации политической системы. Каких только эпитетов не удостоивались эти молодые страны, по сути выстроенные беднотой Старого Света, так называемой новой трудовой эмиграцией (в том числе и из Беларуси): полигоны социального экспериментаторства, страны «государственного социализма», «всеобщего благосостояния», счастливые «страны без забастовок», «рай для рабочих», «крестьянское царство» и т.д. Так что же в поистине удивительном, беспрецедентном и успешном рывке этих стран соответствовало идеям организационного подхода?

Важнейшей концептуальной составляющей тектологии А.А. Богданова является представление о равновесии и пропорциональности между элементами систем. Все системы закономерно или сохраняются, развиваясь дальше, или уничтожаются, что является результатом действия универсального регулирующего механизма, названного Богдановым биологическим термином «отбор» или «подбор». При сохранении действует положительный подбор, при разрушении соответственно отрицательный. Уточняя смысл положительного подбора, Богданов пишет, что «сохранение является всего лишь результатом того, что каждое из возникающих изменений уравновешивается тут же другим, ему противоположным, – оно есть подвижное равновесие изменений» [4, с. 197]. Равновесие оформляется в установлении пропорциональности между элементами системы. В реальной практике Богданова как экономиста прежде всего интересовали равновесность и пропорциональность экономических систем общества. Он говорил о необходимости соблюдения «нормы равновесия» отраслей и предприятий народного хозяйства, разработке его баланса, внедрения соответствующего сетевого планирования. В начале 1920-х гг. Богданов начал этим заниматься, однако последовала жесткая политическая критика И.В. Сталина. Во втором издании Большой советской энциклопедии 1950 г. четко сказано, что идеи Богданова были использованы «врагом народа Бухариным для «обоснования» капитулянтской «теории равновесия секторов» в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологиче-

ским прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма» [5, с. 344]. Точнее и не скажешь, и не подчеркнешь пропорциональности экономики, складывавшейся при капитализме.

Переселенческие колонии в начальные периоды своей истории были хорошо знакомы с неравновесным хозяйством, в котором доминировало прямое разграбление природных богатств колонистами, сбывавшими их в метрополии. Канадский историк Г. Иннис – автор известной «теории сырьевых ресурсов», как главного предмета торговли, подчеркивал, что пушнина, рыба, лес, впоследствии пшеница являлись определяющими факторами развития Канады, отвечая потребностям европейского рынка [6, р. 12]. Вплоть до конца XIX в. в Австралии функционировала «ковбойская экономика» снятия сливок, в которой неукоснительно соблюдалось правило первых поселенцев: «Если что-то движется – стреляй, если стоит неподвижно – секи и руби», и все разделяли девиз старой Австралии: «Найди, возьми и смойся» [7, с. 106, 163]. Слабые хозяйства колоний долго приходили в себя после «пушных», «золотых» и прочих «лихорадок». Так, например, во время золотой лихорадки 1851 г. в австралийской колонии Виктория ее столица – город Мельбурн – практически обезлюдел. Его покинула половина мужского населения. Суда замерли в порту, так как команды, порой вместе с капитанами, отправлялись за золотом. Сбежали даже слуги самого губернатора [8, р. 1187]. Переселенческие колонии явились порождением торгово-ростовщического, финансового капитала, заинтересованного в освоении новых земель и их ресурсов и провоцировавшего явную непропорциональность в ее секторах.

Но к концу XIX в. государства доминионов стали выразителями интересов производственного капитала, активно функционировавшего в сфере индустриального и аграрного предпринимательства. В Канаде, Австралии, Новой Зеландии стала формироваться аграрно-индустриальная капиталистическая рыночная экономика с высоко-развитыми специализированными сельскохозяйственными отраслями, такими как канадское зерноводство и австралийское и новозеландское овцеводство, работавшими на внешний рынок и другими необходимыми отраслями для внутреннего рынка; с доминированием в промышленности добывающих отраслей преимущественно для внешнего рынка и пищевой и легкой промышленностью и другими обрабатывающими предприятиями для внутреннего рынка. Именно тогда и установилось равновесие между важнейшими сферами экономики – промышленной, финансовой, торговой, аграрной. Это равновесие сбалансировало экономику, превратив ее в единый, четко организованный и эффективно функционировавший организм, органично вписанный в систему мировой капиталистической экономики. Большую роль в создании такого баланса экономики сыграла сознательная политика государства, опиравшегося на значительный государственный сектор.

Капиталистические отношения быстрее развивались в городе, чем на селе. Товары, услуги, деньги, производимые в промышленности, торговле и банковской системе, легче превращались в капитал и встраивались в капиталистические отношения, являясь по своей природе, особенно два первых реальными товарами – факторами производства в рыночной системе. Таким образом, исторически первым зародилось торговое предпринимательство, затем (в разных странах в разной последовательности) – промышленное, банковское, аграрное.

Сельскому хозяйству объективно труднее было вписаться в капиталистические рыночные отношения. Земля является особым специфическим фактором производства, фиктивным товаром, в отличие от реальных товаров и услуг. В условиях феодализма земля была стержнем феодального порядка, основой социальной, политической, военной, юридической, административной системы. Земля становится капиталом только в условиях дееспособной системы собственнических отношений, в которых важную роль играют частнособственнические отношения. Такую систему чрезвычайно сложно создать из феодальной модели. Там, где феодальные отношения были весьма живучими, в странах полупериферии и периферии мирового капитализма, аграрное предпринимательство запаздывало, становясь тормозом общего уровня развития. Некоторые публи-

цисты, объясняя мотивы, побудившие П.А. Столыпина выступить в начале XX в. с инициативой аграрной реформы, сравнивали экономику пореформенной России конца XIX в. с телегой, у которой три колеса (торговля, промышленность и финансы) – круглые и потому нормально крутятся, а четвертое колесо (сельское хозяйство) – треугольное, в лучшем случае – квадратное. И колесо это так и не стало круглым, ибо великому реформатору не было отпущено тех 20 лет, которых он просил у судьбы для завершения своих грандиозных реформ [9, с. 116].

Не менее сложной была и ситуация в странах, в которых феодальные отношения за небольшим исключением отсутствовали, – в США и других переселенческих колониях. К тому же в США и в Канаде была свободная земля, знаменитый Запад, открывавший огромные, никому ранее не ведомые возможности приобретения земли, решения земельного вопроса абсолютно по-новому. К. Маркс в «Капитале» высказал глубокую мысль: «Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала» [10, с. 710]. В условиях наличия свободных земель, их незанятости и неосвоенности, с большим трудом формировались правовые собственнические отношения, по образному выражению К. Маркса, сложно «водворялся капитал».

Перуанский исследователь Эрнандо де Сото, отмечая эти сложности в США, подчеркивал: «Правительства и судебная система молодых штатов, совсем недавно образовавших союз, пытались противостоять пестроте правовых традиций и хаосу, создаваемому натиском первопроходцев, самочинных захватчиков земли, золотодобытчиков, вооруженных бандитов, внезаконных предпринимателей и всей остальной цветистой толпы людей, чье участие сделало освоение американского запада столь диким и варварским делом, которое лишь в воображении мечтательных потомков просияло яркими красками романтического приключения» [11, с. 110]. Не менее варварскими и дикими способами осваивались и британские доминионы.

Все переселенческие колонии сделали громадный рывок в своем развитии, оформив надлежащую организационно-правовую инфраструктуру для цивилизованных экономических отношений. Так, например, конгресс США в 1785 – 1890 гг. принял более 500 различных законов, направленных на реформирование системы земельной собственности [11, с. 131]. В доминионах также принималось огромное число законов в этой сфере. Постепенно, шаг за шагом на каждой ферме, мастерской, заводе, фабрике, в городском и сельском поселении фиксировалась информация о собственности. Четкое юридическое оформление земельного надела, хозяйственных и жилых построек, производственных мощностей и других активов превращало их в капитал. Эрнандо де Сото именно эти уроки американского опыта советует использовать странам третьего мира и бывшего соцлагеря. Добавим, что это не только американские, но и канадские, австралийские, новозеландские уроки. Результатом этого опыта стало эффективное развитие аграрного предпринимательства, гармонично вписавшегося в систему промышленного, банковского и торгового капитализма.

В отношении управления системами в тектологии Богданова огромное значение придается первоэтапной по значению идее бюрегулятора (двойного взаимного регулирования), предусматривающего осуществление взаимного контроля. При изучении становления механизма управления в рамках современной философии информационной цивилизации выделяется несколько этапов. На нулевом этапе происходит простое взаимодействие объектов, элементарные формы отражения. Первый этап уже являет собой простейший замкнутый контур управления с обратной связью на уровне обычного регулятора (гомеостаза). Цель такого управления – самосохранение. Обратную связь высоко оценил основатель кибернетики Н. Винер, назвав ее «посох слепого», «секрет жизни». Второй этап считается промежуточным с программным изменением характера воздействия управляюще-

го звена на объект при сохранении его устойчивости. И, наконец, на третьем этапе запускается механизм управления самоорганизующихся систем с наличием двух контуров обратной связи и органов памяти. Во втором контуре осуществляется отбор полезной информации из первого контура. Эта информация накапливается, формируя опыт, знания, повышая уровень организации и живучести системы. Контур есть не что иное, как информационно-управленческий процесс. Первый контур симметричен, он выполняет функцию автопилота, второй контур – асимметричен, он задает направление развития [12, с. 36 – 38]. Реализация двух контуров обратной связи возможна в демократических политических системах, в которых оформляется различие между системами власти и управления, в которых взамен политики-1, выступающей в качестве политики господства и войны в рамках интересов, осуществляется политика-2, направленная на достижение компромиссов, сотрудничества, примирения в рамках права, в которых оформляется правовое государство, реализующее политику-2, и гражданское общество, ответственное за рамку права [13, с. 84 – 86]. Богдановская идея бистабильности оказалась сегодня чрезвычайно востребованной и проработанной.

На начальных этапах существования Британия управляла своими колониями жесткими командными, а подчас военными методами. В них явно превалировала политика-1 и один контур управления. В Канаде, завоеванной у Франции в XVIII в., нужно было не допустить национально-революционного движения, не позволить ее превращения в 14-й штат США во время американской войны за независимость. Австралийские колонии начинали свою историю как поселения ссыльно-каторжных. В Новой Зеландии долго шли кровавые войны с аборигенным населением маори. Было бы понятным сохранение подобного стиля управления и в конце XIX в., когда колонии принимали огромные потоки мигрантов, решали беспрецедентные задачи по освоению земель, организации промышленного и аграрного предпринимательства, рыночной системы.

Начав с разных исходных точек, имея различные задачи, поставленные перед колониальными администрациями в силу специфики конкретной исторической ситуации, в своей политической организации, под патронажем метрополии, все колонии эволюционировали в одном направлении – к самоуправляющимся доминионам под властью британской короны с парламентской моделью государственного устройства, демократическими традициями политической культуры трех ветвей власти и формирующегося гражданского общества. Наблюдая на рубеже XIX–XX вв. развитие политические демократии доминионов, кто бы мог вспомнить, что 50 – 70 лет тому назад это были поселения французских крестьян-абитанов, зависящих от сеньоров и церкви, далеких от идей американской и французской революций, или колонии каторжан, или поселенцы, жестоко сражавшиеся с маори. Поистине их политическая эволюция, так же как и экономическая, была революционной. В соответствии с пространственными оценками она стала настоящими «политическими лабораториями мира». Одними из первых в мире доминионы приняли законы о всеобщем избирательном праве, включая женщин (в Новой Зеландии с 1893 г.), обеспечили действие принципа тайного голосования (т.н. «австралийская система»), ввели небольшой срок полномочий нижней палаты парламента (в Австралии – трехлетний), жалованье депутатам, систему местного самоуправления и т.д. Эта эволюция была обусловлена, с одной стороны, развитием самих колоний, ростом движений за самоуправление в них, с другой стороны, реформаторскими идеями политической элиты метрополии, сознательно выбравшей для основной массы колоний косвенный способ управления в отличие от прямого, который чаще предпочитала соперница Великобритании Франция. Во всяком случае, в Англии стало уже понятно, что, как писал в своей рекомендации лейтенанту-губернатору Новой Шотландии Дж. Харви глава колониального ведомства либерал лорд Грей в 1846 г.: «...управлять какой-либо британской провинцией в Северной Америке, не считаясь с мнением ее жителей, невозможно и нежелательно» [14, с. 27].

Все реформы государственного управления, проводимые Англией в доминионах, были в основном направлены на формирование законодательных органов и ответственных перед ними правительств. Большое внимание метрополия уделяла административно-

территориальному делению. Впоследствии сами доминионы совершенствовали у себя парламентские формы правления. Именно парламентаризм, с одной стороны, лучше всего выражает политические интересы капиталистов-предпринимателей в эпоху индустриального капитализма, с другой стороны, реализует принцип бистабильности в системе государственного управления. Элиты доминионов в конце XIX – начале XX в. при всех возникавших соблазнах не склонились к чрезвычайному контуру управления, не приняли без долгих парламентских процедур ни одного закона или документа, имеющего силу закона, не ввели каких-либо внеконституционных механизмов управления. Управленческому принципу обратной связи они следовали четко.

Равновесная пропорциональная экономика в качестве надежной основы, и демократический стиль государственного управления позволили доминионам удачно решить серьезный вопрос их общественной реальности, что стало подтверждением важнейшего принципа тектологии, названного Богдановым «закон наименьших», «принцип минимума», «закон наименее благоприятных условий». Устойчивость равновесия любой системы определяется крепостью ее самого слабого звена. Необходимость определения и учета слабых звеньев с целью их «подтягивания» до уровня всех остальных элементов системы является общепризнанной в теории и практике управления любого уровня, сетевого планирования, построенного на выстраивании «критического пути» прохождения через слабые точки.

На рубеже XIX–XX вв. наименее неблагоприятной в доминионах была ситуация с рынком рабочей силы. Возможно, это покажется парадоксальным. Ведь именно в Новый Свет ехали бедняки Старого Света, отчаявшись найти способы для порой не просто улучшения своего материального положения, но и просто физического выживания. И в Новом Свете социальный вопрос признавался решаемым и социальное положение людей было лучше, уровень жизни выше. Но такой результат не мог наступить сам собой, капиталистическая экономика не привела бы к нему автоматически. Он мог стать только следствием продуманной целенаправленной государственной политики социальных реформ. Именно к ней и приступили британские доминионы. Приступили на свой страх и риск, многое перенимая из опыта метрополии, но многое делая впервые, не имея примеров и образцов. Ибо, в противном случае, как они могли совладать с потоком прибывавших к ним иммигрантов – людей сильных по своей природе, решившихся на радикальные изменения в своей жизни и ждавших новой жизни? Не найдя ожидаемых условий, такие люди быстро могли стать «горючим революционным материалом». Тем более, что наряду с трудовой миграцией страны Нового Света пополняла и политическая миграция. Но перед государствами доминионов стояли не только социально-политические задачи, но и социально-экономические, да и просто задачи собственного общественного развития. Чтобы выжить, нужно было расти, обустривать обширные земли, создавать промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру, цивилизацию. А для этого нужно было «обустроить» людей. В извечном споре о том, что нужно делать сначала: печь экономический пирог или сразу делить его на социальные программы, доминионы показали, что это надо делать одновременно. Социально защищенный человек будет печь экономический пирог эффективнее.

Формирование капиталистической рыночной системы, с одной стороны, лишает сакральности Труд и Землю, которыми они были освящены в традиционном обществе, и, превращает их в товары, но, с другой стороны, напрямую подводит государства к необходимости проведения социальной политики. Земля и Труд как фиктивные товары должны быть особым образом защищены. Происходит это при доминировании индустриального производственного капитала. На это направлена и политика государства. За это борются и массовые движения гражданского общества: тред-юнионистское и фермерское. Финансовый капитал, порождающий символическую экономику денежных потоков, не заинтересован в реальной экономике и не склонен к инвестированию в такие ее факторы, как товары, услуги, труд и земля, что мы и наблюдаем в современном мире.

Рабочая политика доминионов во второй половине XIX–XX вв. начиналась как продолжение британской и европейской. Первоначально в доминионах практически полностью копировалось британское фабричное законодательство. Лишь Новая Зеландия удивляла

количеством и качеством рабочих законов, пока еще не соразмерных с ее скромной промышленностью. А Австралия поражала решительностью в принятии 8-часового рабочего дня, раньше, чем где бы то ни было в мире.

Оригинальность и самостоятельность доминионы продемонстрировали на новом этапе рабочей политики, связанном с регулированием трудовых отношений. Для демократического государства в первую очередь важны механизмы согласования интересов и разрешения конфликтов. Как Ф. Ницше писал, что в науке самые важные открытия – это методы, так и мы можем сказать, что в политике – самые важные изобретения – это методы, способы, механизмы, институты принятия решений, в которых учитывается позиция заинтересованных групп и всего общества и которые в управленческом плане выстроены на учете принципа обратной связи. В рабочей политике таким методом становится трипартизм – механизм сотрудничества государства, бизнеса, профсоюзов.

Впервые в мире в доминионах была создана государственная система трудового арбитража, которая способствовала формированию коллективно-договорной индустриальной культуры, трехстороннего социального партнерства государства, бизнеса, профсоюзов. Вместе с решением аграрного вопроса, юридически оформившего собственные отношения на землю, что привело к развитию мелкотоварного фермерского уклада, рабочая политика по реформированию трудовых отношений способствовала решению социального вопроса, то есть укреплению «слабейшей точки» для приведения системы в равновесие.

Заключение. Благодаря вышеперечисленным процессам, неразрывно связанным со множеством других факторов, начиная от природно-географических и заканчивая цивилизационно-культурными, к началу XX в. доминионы достигли весьма внушительных успехов в модернизации. Вообще доминионы, «боковые ветви Запада», порождение европейского, прежде всего британского центра миросистемы, стали своеобразным триумфом переселенческой колонизации, сопровождавшей человечество с глубокой древности. Британии за относительно короткий исторический период удалось создать жизнеспособные общественные организмы, накопившие огромный потенциал для саморазвития. Конечно же, модернизация доминионов стала вторичной, отраженной, так как она хронологически следовала за первичной спонтанной модернизацией их метрополии, первоначально направлялась ее усилиями и стремилась к ее стандартам. Но в модернизации доминионов совершенно особым образом обозначился такой фактор, как социальная политика, отношение государства к широким народным массам, отношение

Капитала к Трудю. И это вновь подтверждает правоту А.А. Богданова. Он выступал противником однолинейной марксистской диалектики, замкнутой на учении о борьбе противоположностей, которое стало обоснованием тезиса о неизбежности классовой борьбы. В теории равновесия он доказывал естественность гармонии и примирения противоположностей для сохранения систем. А это возможно при отказе от классовой борьбы в пользу социального партнерства.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Протьюко, Т.С. Александр Богданов / Т.С. Протьюко, А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2009. – 256 с.
2. Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. Сводная аналитическая группа Центра Кургиняна об угрозах суверенитету России. – М.: Межд. Общ. Фонд «Экспериментальный творческий центр», 2007. – 91 с.
3. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 451 с.
4. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 1 – 2 // А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с.
5. Богданов А.А. // БСЭ – 2-е изд. – М., 1950. – Т. 5. – С. 343 – 344.
6. Innis, H.A. Essays in Canadian Economic History / Ed. by M.Q. Innis. – Toronto: University of Toronto Press, 1969. – 418 p.
7. Воляновский, Л. Материк, переставший быть легендой / Л. Воляновский. – М.: Наука, 1990. – 301 с.
8. Coghlan, T.A. Labour and Industry in Australia. From the first settlement in 1788 to the establishment of the Commonwealth in 1901: in 4 volumes / T.A. Coghlan. – Oxford: Oxford University Press, 1918. – Volume III. – P. 1187 – 1790.
9. Галаган, А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира / А.А. Галаган. – М.: Ось – 89, 1997. – 160 с.
10. Маркс, К. Капитал. Т.1 / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.23. – 715 с.
11. Де Сото, Э. Загадка капитала / Э. де Сото. – М.: Олимп Бизнес, 2001. – 272 с.
12. Абдеев, Р.Ф. Философия информационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. – М.: Владос, 1994. – 336 с.
13. Рац, М.В. Политика развития: первые шаги в России / М.В. Рац. – М.: «Касталь», 1995. – 192 с.
14. Сороко-Цюпа, О.С. История Канады / О.С. Сороко-Цюпа. – М.: Высшая школа, 1985. – 304 с.

Материал поступил в редакцию 15.03.12

SEMYONOVA L.N. Development of the british dominions at the boundary of the XIX-XX centuries through the prism of the organizational approach

The Britain settlers' colonies selfgoverning dominions Canada, Australia, New Zealand at the end of XIX – at the beginning of XX century did unprecedented step in their development. Study of the experience of their development confirmed thesis the universal organization science "tectology", elaborated by A.A. Bogdanov. In this article the following thesis of the organization approach were examined. The principle of balance and proportion between elements of systems was confirmed in the balanced agro-industrial economy. Parliament forms of rule, mutual control between state and civil society embodied in the principle "biregulator". The active state social policy which strengthened "weak points" of the social systems is illustration of the principle of the most lesser.

УДК 343.2

Глухова О.В., Пахолко С.В.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Введение. Обстоятельствам, исключающим преступность деяния, посвящена одноименная глава 6 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. В ней дается исчерпывающий перечень таких обстоятельств: необходимая оборона (ст. 34), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 35), крайняя необ-

ходимость (ст. 36), пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38), обоснованный риск (ст. 39), исполнение приказа или распоряжения (ст. 40). Такое законодательное решение является несомненным достоинством действующего УК, однако не снимает всех существующих в науке и правоприменительной деятель-

Глухова О.В., преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Пахолко С.В., студент 4 курса юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, б-р Космонавтов, 21.